

Глава 55. Четвертое задание (часть 2)

Услышав слова Нисимото Соноко, Линь Цзэ почувствовал, как сердце у него ушло в пятки.

— Мне кажется, я сейчас не в лучшей форме, — попытался он вежливо отказаться. — Может, перенесем запись в студии звукозаписи на следующий месяц?

Хотя благодаря памяти Накадзими Хаятэ он владел вокальными техниками и знал, какие именно композиции нужно исполнить, Линь Цзэ прекрасно понимал: «знать» и «уметь» — вещи разные, и путать их не стоит.

Нисимото на этот раз даже не удостоила его взглядом.

— Надень что-нибудь яркое, — бросила она. — Учитель не любит мрачных парней. Ты меня понял?

— Понял... — вздохнул Линь Цзэ.

Из воспоминаний Хаятэ он знал, насколько властной может быть Соноко, поэтому перечить ей лишний раз не стоило.

Заметив его понурый вид, Нисимото обернулась и, смерив Линь Цзэ холодным взглядом, добавила:

— Я же тебе столько раз повторяла: не будь таким доверчивым. Если чего-то не понимаешь — звони мне или хотя бы ставь в известность Харуто. Тогда бы дело не дошло до такого скандала.

На этот раз она отчитывала его за инцидент, в котором Накадзима Хаятэ получил травму. Упомянутый ею Каваками Харуто был ассистентом Соноко, временно приставленным к Хаятэ для решения повседневных бытовых вопросов.

Линь Цзэ с некоторой обидой в голосе ответил:

— Я и представить не мог, что люди с телеканала способны на такое...

Впрочем, именно так на самом деле и думал Хаятэ.

— Ты еще многого не знаешь! — фыркнула Нисимото и перешла к делу: — В этом сезоне наша компания делает на тебя ставку. Другие агентства, видя масштаб рекламной кампании, это тоже понимают и просто так тебя в покое не оставят. Задавить тебя для них означает задавить будущее нашей компании. Ты это понимаешь?

— Но ведь есть еще Такенака Ацуми? — Линь Цзэ изобразил недоумение.

Он помнил, что под крылом Нисимото была еще одна новенькая. Такенака Ацуми обладала миловидной внешностью и умела нравиться людям, чем разительно отличалась от Хаятэ с его переменчивым характером. К тому же она с детства мечтала о шоу-бизнесе. Благодаря обеспеченной семье у нее была солидная база и хорошее понимание индустрии. Она считалась крайне перспективным новичком, именно поэтому ее продвижением занималась Соноко — самый влиятельный менеджер компании. Конечно, в агентстве были и другие стажеры, но Хаятэ запомнил только Ацуми, так как у них был один менеджер на двоих.

— Ацуми? — Нисимото едва заметно усмехнулась, но продолжала смотреть холодно. — Тебе Харуто разболтал? Что ж, она неплоха, но ей еще учиться и учиться. Главная проблема — в её отношении. Я видела слишком много таких выскочек: едва попав в шоу-бизнес, они начинают верить, будто мир обязан вращаться вокруг них.

— В этом плане ты куда сильнее её, — добавила Соноко с тенью ледяной усмешки. — Ты хотя бы осознаешь, что без таланта ты — пустое место, и полностью зависишь от компании.

Похоже, она была не слишком довольна своей подопечной. Линь Цзэ лишь моргнул, решив не вникать в эти интриги. В конце концов, Накадзима Хаятэ фактически «продал душу» агентству, и компания была заинтересована в его успехе больше, чем кто-либо другой. Пока он не начнет намеренно вредить собственной репутации и имиджу фирмы, его будут продвигать.

Линь Цзэ всерьез раздумывал, не стоит ли ему нарочно во что-нибудь вляпаться, чтобы его «заморозили» на время. Но, поразмыслив, отказался от этой затеи. Согласно его анализу этих миров, безопаснее всего было придерживаться изначальной жизненной траектории своего носителя.

В первом мире обычный человек вряд ли смог бы выбраться из Зброшенной кладовой спортивного инвентаря, но Линь Цзэ сбежал, используя системные артефакты, а затем расслабился, что привело к опасным плавающим звездам. Во втором и третьем мирах он просто плыл по течению чужой жизни, и всё прошло гладко. Даже история с похищением в третьем мире случилась лишь из-за вмешательства Курокавы Синдзи. Не будь этого «пришельца», та организация развалилась бы сама собой, не успев до него добраться.

Линь Цзэ быстро прокрутил эти мысли в голове и послушно ответил:

— Я понял. Во сколько мне завтра быть на месте?

Нисимото заметила, что он на мгновение отвлекся, но списала это на усталость от работы и недавнего нападения.

— Вставай как обычно. Я пришлю за тобой Харуто. До этого времени никуда не выходи. Если станет скучно — потренируйся дома.

— Хорошо, — с некоторой горечью в голосе отозвался Линь Цзэ.

Под фразой «вставай как обычно» Нисимото подразумевала шесть утра. Раньше Хаятэ вскакивал в пять, но теперь, учитывая плотный график и травму, ему дали лишний час сна, отменив часть изнурительных тренировок.

Нисимото была выдающимся менеджером, и её протекция давала Хаятэ огромные преимущества, но её требования были драконовскими. Она стремилась полностью контролировать каждый шаг своих артистов. Линь Цзэ втайне сочувствовал Хаятэ: только такой покладистый ребенок мог выносить подобный прессинг.

Закончив наставления и убедившись, что парень в порядке, а рана не воспалилась, Соноко поднялась.

— На завтра только это дело. Остальную работу я отменила, пока ты не поправишься. Сиди дома и лечись. Даже если тебя будут звать гулять — никуда не ходи. Если не сможешь отвязаться сам — звони мне, я разберусь. Ясно?

— Да, всё ясно, — кивнул Линь Цзэ.

Он вел себя как паинька — именно так Хаятэ обычно общался со своим менеджером. Линь Цзэ легко далась эта роль, ведь его собственные родители тоже не терпели возражений.

Как только дверь за Нисимото закрылась, Линь Цзэ с облегчением выдохнул, но тут же столкнулся с новой проблемой.

«Завтра в студию звукозаписи, а я ведь петь совсем не умею...» — с досадой подумал он. Его не пугало, что его разоблачат — всегда можно списать на плохое самочувствие, но позориться и выслушивать ругань на публике ему совершенно не хотелось.

Не найдя иного выхода, он решил для начала поужинать. Еда была максимально пресной — рацион Хаятэ составлялся диетологами компании, и тот никогда не смел нарушать режим. Линь Цзэ тоже не хотел рисковать: если Нисимото узнает, что он ест что-то запрещенное, проблем не оберешься. Тем более что менеджеры и сотрудники компании могли зайти к нему в квартиру в любой момент — в этом и заключалась главная сложность жизни «под колпаком».

После ужина он осторожно принял душ, перевязал рану на левом предплечье и вспомнил, что у Хаятэ дома есть вокальное оборудование с системой оценки. Конечно, до профессиональной студии звукозаписи ему было далеко, но это лучше, чем ничего.

Так как оборудование предоставило агентство, в памяти устройства были все хиты компании и те оригинальные песни, которые Хаятэ готовил к записи. Права на них уже были зарегистрированы, так что кражи контента можно было не опасаться.

Линь Цзэ выбрал нужную композицию и нажал «Play». Музыкальное вступление пролетело быстро, настал черед вокальной партии. Благодаря тому, что системная память буквально «впечаталась» в его разум, Линь Цзэ не нужно было заучивать слова. Он уверенно начал петь в такт мелодии.

Петь, используя чужое тело — чувство крайне странное. Ты слышишь голос и понимаешь, что он звучит иначе, чем твой собственный, хотя он исходит из твоего же горла. Ощущение было поистине психоделическим.

Песня закончилась. На экране вспыхнул результат: 62 балла.

Линь Цзэ тупо уставился на цифры. Обычно, когда Хаятэ «развлекался» с этой машиной, он набирал за девяносто. В плохие дни — не меньше восьмидесяти. Его худшим результатом было 78 баллов, и то в самый первый раз, когда он только увидел этот аппарат. 62 балла были форменным позором.

«Нет... Это с машиной что-то не так! Я хоть и не мастер вокала, но в караоке-барах бывал, и там мои баллы никогда не были такими жалкими!» — возмутился он.

Даже с учетом чужого тела, результат не мог быть настолько катастрофическим. Вскоре до Линь Цзэ дошло: настройки домашнего оборудования для профессиональных артистов наверняка на порядок жестче, чем в обычных KTV. От этой мысли ему стало немного легче.

Тем не менее, смотреть правде в глаза всё же пришлось: в таком состоянии в студию звукозаписи идти нельзя. Даже со скидкой на болезнь, разрыв был слишком велик.

Линь Цзэ отложил микрофон и попытался воскресить в памяти уроки вокала, которые посещал Хаятэ. Он сосредоточился на правильном дыхании и начал разогревать связки. Это помогло. Ему стоило начать именно с этого.

Только сейчас, прислушиваясь к звукам, он уловил ту самую уникальную черту голоса Хаятэ, за которую его так ценили. Предыдущая попытка была просто издевательством над этим даром.

Голос Накадзимы Хаятэ был плотным, но не грубым. Это был нетипичный мужской баритон, а скорее мягкий, богатый нюансами андрогинный тембр. Благодаря этому Хаятэ мог брать высокие ноты с такой же легкостью и стабильностью, как и обычные, что создавало у слушателя ощущение невероятной чистоты звука, хотя самому исполнителю это давалось ценой колоссальных усилий.

Хаятэ тренировался годами. Этот «чистый и освежающий» стиль пения был результатом каторжного труда, безупречного контроля над окончанием фраз и силы подачи звука. Теперь Линь Цзэ понимал, почему компания так за него держалась — дело было не только в кавальном контракте.

Попрактиковавшись еще немного, Линь Цзэ наконец «поймал волну». В конце концов, в его распоряжении была вся память Накадзимы! Он знал, где нужно поднажать, где смягчить звук, а где сделать плавный переход.

Хаятэ не был самородком, которому всё давалось само собой. Свой уникальный тембр он выковал бесконечными тренировками, буквально заставляя голос звучать именно так, иначе с годами он стал бы самым заурядным. Это как с певцами, берущими экстремально высокие ноты: без тренированного объема легких и ежедневной практики ты либо сорвешь голос на середине песни, либо просто не дотянешь до финала.

В итоге самочувствие Линь Цзэ значительно улучшилось. Он даже подумал, что если вернется в свой мир, то мог бы попробовать реализоваться в этой сфере.

Освоившись с вокальной манерой Хаятэ, он снова запустил песню для записи. Оценка мгновенно взлетела до 82 баллов. Линь Цзэ использовал память оригинала как «гайд» к прохождению сложного уровня, и это сработало. Такого результата вполне хватало, чтобы не ударить в грязь лицом завтра в студии звукозаписи, особенно учитывая, что он заранее предупредил Соноко о плохом состоянии.

На всякий случай он прогнал еще несколько песен, которые предстояло записать в будущем. Весь процесс занял больше трех часов, и время уже перевалило за полночь. Линь Цзэ прибрался, поставил будильник и завалился спать.

<http://bllate.org/book/17572/1721023>